

БИБЛИОГРАФИЯ

<«ИЗ № 1 СОВРЕМЕННОКА»>

Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов. Г. К. Кэри. Перевод с английского

Читателю известно, что наши протекционисты имеют своим центром Москву; известно также, что, благодаря нынешним просвещенным обычаям, протекционисты прибегают между прочим и к помощи так называемой у нас гласности. Вот таким образом, конечно, произошел на свет и русский перевод писем Кэри к президенту Соединенных Штатов. Американский экономист усердно доказывает в этих письмах, что протекционизм спасителен для нации, а всякое ослабление протекционного тарифа непременно бывает губельно.

Читателю известно, что если в чем другом и имеет Россия недостаток, то уже никак не в знаменитых экономистах. Гг. Безобразов, Бунге, Вернадский, Ржевский и Молилари, которого мы также можем считать чисто русскою знаменитостью, — все это такие ученые, которые славны от Лапландии до Чукотского Носа. Этим замечательным мыслителям мы можем предоставить интересный труд опровергать заблуждения не менее замечательного мыслителя Кэри. Мы сами, вовсе не сочувствуя протекционизму и полагая, что теория свободной торговли гораздо более соответствует выгодам наций, никогда не имели счастья находить, что хлопоты о низком тарифе должны быть для нас предметом перво-степенной важности при нынешнем положении дел¹. Есть для России десятки экономических потребностей более важных. Пусть же ратуют в защиту свободной торговли знаменитые ученые, не имеющие других забот, а нам много хлопотать о ней уже не приходится, когда она имеет столько прекрасных защитников.

Мы хотим заняться книжкою Кэри не для того, чтобы изобличать фальшивость протекционизма. Русский перевод брошюры

Кэри возбуждает в нас охоту сделать два-три замечания несколько иного рода.

Как ни знамениты у нас наши отечественные экономисты, но есть писатели в том же вкусе, пользующиеся у нас еще большим авторитетом. Давно уже гремит между нами слава великого Бастиа. Недавно стал появляться на русском горизонте достойным соперником его Кэри, у которого Бастиа позаимствовался своими знаменитыми мыслями против теории ренты Рикардо. Мы видели на обертке одного из лучших наших журналов статью о Кэри, писанную одним из лучших наших экономистов. Что такое говорилось в этой статье, мы не можем, к сожалению, сообщить читателю, потому что прочесть статью нам не удалось; не можем сказать даже, каков именно был объем статьи, потому что в руки нам попался только один номер этого журнала, где находилась только часть статьи². Но, во всяком случае, статья была не малого размера; значит, и Кэри представлялся одному из лучших наших экономистов мыслителем не малой важности, — иначе и не потратил бы один из лучших наших экономистов стольких трудов на ознакомление русской публики с его трудами. По всей вероятности, судьба предназначала американскому экономисту пользоваться таким же уважением у нас, какое приобрел знаменитый американский публицист г. Матиль³. Но вот московские протекционисты погубили бедного Кэри.

Есть мыслители, не признающие абсолютного значения теории свободной торговли. Но эти мыслители не принадлежат к школе Адама Смита⁴. Основная идея их гораздо шире воззрений Адама Смита. Если же держаться принципов Адама Смита, то нет возможности быть протекционистом. Теория свободной торговли так ясно и прямо вытекает из общих воззрений, принимаемых вами в этом случае, что вам не остается никаких сомнений в ее безусловном достоинстве. Можно не быть лютеранином и в таком случае можно, не греша против логики, отвергать многие из выводов, сделанных Лютером. Но быть лютеранином и в то же время признавать власть папы, — это уже дело, несогласное с здравым смыслом. Вот точно в таком умственном положении находится Кэри. Посмотрите вы на него: он с головы до ног последователь Адама Смита и в то же время протекционист. Каким манером могла сложиться такая нескладица в голове Кэри? и каким образом мыслитель такого свойства мог приобрести репутацию замечательного экономиста? Объяснение очень просто, и мы уже не раз давали его: школа, к которой принадлежит Кэри, отжила свое время. Люди с сильным логическим умом пошли по другому направлению, за исключением одного Милля, который усиливается вложить новые стремления в рамку прежней доктрины и потому стоит одиноко между людьми, ре-

шительно отсталыми, и людьми, решительно идущими вперед. Благодаря такому обстоятельству Кэри оказался одним из замечательнейших нынешних последователей Адама Смита, как Джемс оказался одним из лучших нынешних романистов, продолжающих писать романы вроде Вальтера Скотта.

Но бог с ним, с самим Кэри; пусть он будет протекционистом, если ему вздумалось. Могут претендовать на это наши знаменитые экономисты, а нам огорчения от того мало. Мы лучше возьмем забавную сторону его книги. Цель он поставил себе очень высокую: «исцеление многообразных недугов, от которых» северо-американское «общество так сильно страдает в настоящее время» — точь-в-точь как наши знаменитые экономисты. Картину этих многообразных недугов он представляет очень яркую. «Не дальше, как лет десять тому назад, — говорит он, — Северо-Американский Союз пользовался необыкновенною славою в целом свете. Теперь, — книга писана в конце 1857 и начале 1858 года, — теперь, говорит он, не то» и продолжает очень сильно и эффектно. Прогрессивные люди в Европе, так восхищавшиеся Северо-Американскими Штатами, с такою гордостью ставившие их в пример всем европейским нациям, смущены и скомпрометированы слабостями, какие обнаружались в их идеале:

Везде, куда я ни обращался, слышал постоянно возрастающее опасение за нашу будущность между мыслящими людьми, питавшими доселе надежду найти в Новом Свете осуществление своих любимых планов о прогрессе человечества. С беспокойством смотрят они через океан, страшась ежеминутно услышать о новых, ужаснейших мятежах, новых междуусобицах, новых нарушениях народных прав, новых разбойнических экспедициях, новых грабительных войнах. А между тем не более как за десять лет было совсем иначе; и назвали бы лжепророком всякого, кто осмелился бы сказать,

Что в течение одного десятилетия обыкновенное содержание союзного правительства в мирное время достигнет семидесяти миллионов долларов, — впятеро более того, сколько тратилось на него за тридцать лет назад;

Что получатели этой огромной суммы, поставщики, чиновники и почтмейстеры, принуждены будут за свои места платить формальный и правильный оброк определяющему их или заключающему контракт с ними начальству;

Что взнос оброка чиновниками сделается необходимым условием существования их в службе;

Что, соответственно с этим оброком с «служебных чинов», непомерно увеличится их жалованье, и таким образом государственное казначейство должно будет действовать для личных целей и расплачиваться за частные выгоды;

Что централизация усилится до того, что исполнительная власть осмелится диктовать всему служебному корпусу, состоящему, по крайней мере, из шестидесяти или восьмидесяти тысяч лиц, все мысли относительно общественных интересов;

Что постоянно возрастающие затруднения к приобретению средств жизни, независимо от правительства, и постоянно возрастающее жалованье на общественной службе поведут к увеличению числа искателей этой службы и к порабощению их тем, для чьего удовольствия заведены всякие комиссии и канцелярии;

Что исполнительная власть будет диктовать членам конгресса такой или другой образ действия в общественных вопросах и будет всенародно провозглашать, что публичные должности будут «жаловаться» только тем, кои согласятся действовать в полном согласии с ее видами и планами;

Что непрестанно возрастающее нравственное рабство породит убеждение, что «краугольным камнем» всех политических учреждений нашей страны непременно должно быть материальное порабощение рабочего класса;

Что распространение рабства в мире сделается главною целью правительства, и что в этих видах будет отменен им важный указ 1787 года, послуживший основанием «миссурийскому соглашению»⁵;

Что в тех же видах трактаты с бедными остатками туземных племен будут нарушены;

Что в тех же видах новые войны будут поджигаться, новые грабежи поощряться, новые территории покупаться;

Что исполнительная власть до такой степени усилится, что самовольно будет вызывать на войну соседей с целью обобрать слабейших из них;

Что пред целым светом она осмелится провозглашать возмутительное «право сильного», и что во имя этого права Союз не постыдится отнимать насильно владения у тех, кои не согласились бы их продать;

Что воскресающий торг рабами найдет себе открытых защитников, и что первый шаг к нему сделает гражданин Соединенных Штатов, отвергая все запрещения, изданные против него правительствами центральной Америки;

Что запрещения правительства центральной Америки против рабства мы будем считать прямым нарушением мирных трактатов;

Что исполнительная власть одного из самых влиятельных штатов будет предлагать замену свободного труда невольничим для всех низших общественных занятий;

Что Союз, единственно из опасений расширения границ на севере, непрестанно будет домогаться новых территорий на юге и тем совершенно извратит стремления и интересы народа;

Что открыто будут говорить, что должно искать свободного плавания по бразильским рекам — миром, если можно, и силой, если нужно;

Что следствием такой политики, даже в настоящее время, будет полное отчуждение от нас всех народов Нового Света;

Что все законодательство страны почти вполне подпадет под контроль судоводных, дорожных и других обществ, и что сами законодатели будут иметь добрую долю в огромных капиталах и землях, коими наделяются правительством учредители этих обществ;

Что будет учреждена «третья палата конгресса из привилегированных членов», занимавших прежде высшие законодательные и исполнительные должности, обладающих, как выражается полковник Бентоп, «самыми действительными средствами для умиротворения и соглашения интересов» и таким образом обеспечивающих пропуск всякого билля, за который будет щедро заплачено;

Что централизация возрастет до такой меры, что управление одного города будет стоить почти столько же, сколько за тридцать лет назад стоило содержание всего Союза;

Что распоряжение городскими доходами и охранение городского благоустройства будут поручены таким людям, коим приличнее бы быть в тюрьме или в рабочем доме;

Что прения о распределении этих доходов дойдут до такой ожесточенности, что спорящие стороны будут покупать голоса по неслыханным ценам и что самые выборы будут совершаться при помощи кинжалов, пистолетов и даже пушек;

Что закон Линча найдет себе свободный доступ в сенат; что в южных штатах он совершенно займет место многих постановлений конституции; что в одном из штатов гражданская власть будет совершенно уничтожена; что право штатов запрещать и преследовать рабство в своих пределах будет оспариваться с настойчивостью, заставляющею опасаться скорого и полного его уничтожения; что все определения верховного совета, в течение шести-десяти лет благоприятствовавшие свободе, в настоящее время будут заменены другими, имеющими совершенно противоположное направление; что правила систематического предательства и лжи будут приняты союзными советами в

основание своих действий; и что, таким образом, права граждан будут страдать от непомерного расширения власти закона, с одной стороны, и от усвоения «права сильного» — с другой;

Что многоженство⁶ будет идти рука об руку с невольничеством и что правила многоженства будут открыто проповедываться людьми, занимающими важные посты в союзном правительстве;

Что приличия, нравственность и дарование перестанут считаться необходимыми требованиями от представителей Союза в иностранных державах;

Что религиозные распри возрастут до такой меры, что вопрос о личных религиозных убеждениях кандидата на президентство сделается одним из важнейших государственных вопросов;

Что распри между северными и южными штатами едва не превратятся в открытое междоусобие, постоянно питаая в них стремление к совершенному распадению; и наконец, —

Что Германия в том виде, как она была раздроблена до таможенного Германского союза (Zoll-Verein)⁷, снова готова повториться в Новом Свете, и что по распадении Союза многие из распавшихся частей его сделаются жалкими орудиями чужих держав. Печальная картина!.. Несколько лет назад никто не поверил бы, что хотя одна черта ее возможна; а теперь все они, исключая последней, существуют действительно.

Для придания окончательной эффектности очерку «многообразных недугов» теперь исполняется и последняя черта: невольнические штаты грозят расторжением Союзу.

Говоря по совести, «печальная картина» значительно утрирована. Правда, что расходы союзного правительства значительно возрастают; но богатство Союза возрастает еще быстрее, так что каждому жителю приходится теперь жертвовать на союзные расходы меньшую долю своего дохода, чем тридцать лет тому назад. Правда, что из жалованья чиновников союзного правительства делается определенный вычет на издание газет и прокламаций партии, держащей в своих руках правительственную власть; но ведь эти чиновники — люди господствующей партии; ее торжество доставило им должности, с ее падением они будут замещены людьми другой партии, и, давая часть своего жалованья в распоряжение комитетов своей партии, они только дают свою долю в складчину, какая делается всеми людьми партии, и должностными, и недолжностными, для достижения общих целей партии. Конечно, употребляют часть доходов со всего общества на пользу одной половины общества — обычай, нимало не похвальный. Но в нем нет ни воровства, ни утайки: дело производится публично, по общему согласию всей господствующей партии, и другая партия поступает точно так же, когда получает власть; в извинение надобно прибавить, что господствующая партия составляет большую половину нации, — каждая партия только тогда и достигает господства, когда привлекает на свою сторону большинство нации. Словом сказать, обычай дурен и надобно искоренить его; но существование дурного обычая в известной нации еще ничего не доказывает — мало ли сколько дурных обычаев есть у каждой нации? Дурной обычай не мешает людям вообще оставаться хорошими людьми. Притом, в те самые годы, которые

облакивает Кэри, образовалась и стала быстро усиливаться партия, поставившая себе целью искоренение этого обычая и всех действительных недостатков из числа фактов, перечисляемых Кэри в его очерке. Теперь эта партия уже достигла власти⁸. Посмотрим, что из этого будет; но уже наверное не падает нравственный уровень и гражданская жизнь в том обществе, где общественное мнение так быстро доводит до власти людей, считаемых бескорыстнейшими и честнейшими.

Правда, что все чиновники союзной власти содействуют планам своей партии, или, по выражению Кэри, «исполнительная власть диктует всему служебному корпусу мысли относительно общественных интересов»; но ведь эти чиновники — второстепенные деятели той самой партии, предводители которой составляют исполнительную власть: что ж удивительного, если мелкие агенты партии ждут программы для своих действий от предводителей своей партии? Но вот уже совершенные пустяки, будто бы в Соединенных Штатах становится трудно приобретать средства жизни иначе, как государственною службою: легковверный Кэри хватил через край, приняв за чистую монету утрированный вздор, говорящийся с полемическою целью. Напротив, государственная служба наименее выгодна из всех карьер в Соединенных Штатах. Можно разбогатеть там на всякой карьере, но еще не было ни одного примера, чтобы разбогател кто-нибудь государственною службою. Масса второстепенных должностей, не требующих ничего, кроме механического прилежания, занимается там людьми, которые по недостатку способностей и энергии не могли найти себе выгодного дела; важные должности занимаются людьми, которые прямо жертвуют своими денежными выгодами или честолюбием, или патриотизму. Не дальше как в конце прошлого года губернатор, то есть верховный правитель одного из богатейших штатов, отказался от правительственной власти, чтобы сделаться управляющим делами одной, не очень важной железной дороги: «семейство мое стало велико, — сказал он, — и я должен обеспечить кусок хлеба своим детям, потому не могу оставаться правителем своего штата».

Дальше следует у Кэри ряд справедливых порицаний: правительство Северо-Американского Союза действительно покровительствовало распространению невольничества, провозглашало «возмутительное право сильного», отнимало области у слабых соседей, — но кому же неизвестно, чье коварство тут действовало? Все это делалось плантаторами, которые успели подчинить своим требованиям демократическую партию; масса демократической партии, состоящая из людей простодушных, была вовлечена в ошибку патриотизмом: она делала уступки плантаторам, чтобы плантаторы не делали попыток к расторжению Союза, и довольно долго не понимала, куда ведут ее плантаторы. Но зато демократическая партия, еще недавно бывшая столь популярною,

теперь пала: масса начала покидать ее, как только заметила, что демократическая партия служит орудием плантаторов.

Затем следуют опять пустяки, легковерно перенесенные в серьезную речь из утрированной полемики. В числе трехсот человек какого бы то ни было общества всегда найдется три-четыре человека не совсем чистого характера; в американском конгрессе также нашлось три-четыре человека, продававшие свой голос промышленным компаниям. Из-за этого поднялся страшный крик, и поднялся справедливо. Но если факт был гнусен, то никакого политического значения не имел он: представители, низость которых была изобличена, всегда были людьми ничтожными, не пользовавшимися никаким влиянием в конгрессе.

Кэри говорит о расточительности по городскому управлению, о том, что городские должности попадают в руки людей нечистых: это относится собственно к Нью-Йорку, но город Нью-Йорк находится под влиянием совершенно исключительных обстоятельств. Он служит центром торговли с плантаторскими штатами. Купцы, ведущие южную торговлю, запуганы плантаторами, говорящими, что прекратят с ними дела, если они не будут агентами плантаторской партии на выборах; благодаря этому плантаторская партия господствует на нью-йоркской бирже. Биржа, разумеется, имеет сильное влияние на городские выборы. Честные люди не соглашаются служить плантаторской партии; потому нью-йоркская биржа должна довольствоваться услугами авантюристов, на проделки которых принуждена смотреть сквозь пальцы. Но Кэри должен был знать, что с каждым годом усиливается в городе Нью-Йорке партия, противная плутням агентов плантаторской партии, так что если городские дела издавна управлялись дурно, то все-таки с каждым годом приближается конец этому дурному хозяйству.

«Закон Линча», то есть наглое насилие, кулачное право, нашло себе «свободный доступ» в сенат, — это относится к знаменитой сцене, когда плантатор Брукс в зале сената сбил с ног и едва не убил сенатора Сёмнера; но ведь в это время зала была совершенно пуста, — разбойник напал на безоружного человека в пустынном месте; что тут удивительного? — удивительно было бы разве то, что плантаторская партия восхищалась поступком Брукса; но надобно знать отчаянное положение плантаторской партии, тогда будет понятно, что она прибегает к неистовствам. Поступок Брукса и другие отвратительные действия плантаторской партии, шумом которых наполнялись последние годы в Соединенных Штатах, служат только вернейшими признаками того, что плантаторская партия стала в эти годы предчувствовать свое искоренение: видно, что опасность близка и страшна, когда начали забывать всякую благопристойность, кричать и драться, подобно бешеным, люди, хвастающиеся своим происхождением, изяществом своих манер, утонченностью своих нравов. Интересным

примером неразборчивости Кэри в составлении картины североамериканских «недугов» служит порицание североамериканцев за то, что явились между ними мормоны, допускающие многоженство. Но известно, какую страшную ненависть обнаружило к ним все североамериканское население за этот догмат. Негодование было так велико, что довело североамериканцев до нарушения коренного их принципа веротерпимости и до жестоких преследований: основатель мормонства был убит ожесточенным народом, последователи его уже два раза были изгоняемы из пустынь, в которых думали найти себе прибежище, и в последнее время думают вовсе покинуть Соединенные Штаты: хотя тысячи верст отделяют мормонское царство от самых передовых североамериканских поселений, негодование нации так сильно, что теснит мормонов в их почти неприступном убежище. Винить североамериканцев за мормонство — то же самое, что винить за склонность к жидовству Тараса Бульбу с его лыцарями. Напротив, скорее можно было бы осудить североамериканцев за то, что благородное чувство негодования на дикий принцип мормонства увлекло их до свирепостей, не имеющих себе оправдания.

Преувеличения, очень естественные и потому извинительные в полемике, совершенно не идут к ученому исследованию. Положим, что Кэри печатал свои письма в газете; но ведь он все-таки хотел явиться в них не памфлетистом, а серьезным ученым. Как же он не разобрал, что утрировка, составляющая силу памфлетиста, лишает силы ученое исследование? Картина многообразных недугов, им нарисованная, изображает каждую муху в величине слона. Но должно сказать, что капля правды, раздутая им в колоссальный мыльный пузырь, все-таки остается правдою, хотя пузырь и лопается от малейшего дуновения. В государственных делах Северо-Американского Союза действительно есть много дурного. Североамериканские патриоты справедливо надеются, что скоро очистят свою страну от пятен, марающих ее; но никто из них не отрицает, что до сих пор было на ней довольно много очень грязных пятен.

Что же тут забавного? скажет читатель. Кто, кроме врагов прогресса, может забавляться тем, что великая и благородная нация еще имеет много унижительных недостатков в общественной жизни и встречает много затруднений в своих усилиях искоренить их? Это нимало не забавно.

Да разве мы-то говорили, что забавно положение североамериканских дел? Мы говорили, что очень забавна книга Кэри. Вообразите себе, от какой причины производит он все оплакиваемые им бедствия, каким лекарством думает исцелить все их, — обладайте вы догадливостью самого Эдипа, вы никак не разгадали бы, если бы не попадалось в начале нашей статьи слово «протекционист». Оно, конечно, навело уже вас на мысль, что проницательный Кэри все бедствия приплетает к низкому та-

рифу, а все блага связывает с высоким тарифом. Вы угадали, но сами вы не поверите, до какой уморительной точности верна эта разгадка: кажется, будь человек ослеплен до какой угодно степени, все же он не мог бы забыть, что существуют в Соединенных Штатах и другие причины недостатков, нужны и другие средства к их отстранению, кроме таможенных мер. Кэри не замечает ничего. Тариф для него — альфа и омега всех вопросов; он, кажется, готов лечить тарифом лихорадку, возвращать молодость старухам и давать гений идиотам.

С первого же взгляда каждому, не помешанному в уме человеку видно, что во всех затруднениях и недостатках Соединенных Штатов главная причина, а в большей части даже единственная причина — невольничество. Пока не поднялся вопрос о его уничтожении в плантаторских штатах, плантаторы в сношениях с другими гражданами умели держать себя благопристойно. Но дело переменялось с той поры, как они заметили, что свободные люди северных штатов увидели надобность позаботиться об уничтожении невольничества и в южных штатах, — позаботиться об этом не в интересе одних негров, а также и в собственном интересе, и в интересе массы свободного белого населения южных штатов. Поддерживая свои выгоды, противоположные выгодам массы белого населения самих южных штатов, плантаторы поняли, что спор решился бы очень быстро, если бы они стали ограничиваться одними законными средствами для своей защиты: масса белого населения южных штатов, находившаяся в глубоком невежестве, почувствовала бы надобность в образовании, когда люди северных штатов стали бы объяснять ей, что при невежестве будет она оставаться в зависимости от плантаторов, а зависимость эта держит ее в нищете, потому что свободный работник не может пользоваться благосостоянием, имея раба своим соперником в работе. Таким образом, плантаторы были принуждены прибегать к насильственным средствам, чтобы держать массу белого населения своих штатов в невежестве. Они стали запрещать газеты и популярные книги; они стали стеснять школьное преподавание в своих штатах. Невежество само по себе — дело не очень хорошее; но если люди остаются невеждами просто по обстоятельствам, это еще далеко не имеет на них такого дурного влияния, как то, когда они преднамеренно, искусственно удерживаются в невежестве чужим расчетом: натуральное (если можно так выразиться) невежество — зло ничтожное в сравнении с насильственным невежеством. Плантаторы стали предводителями грубых головорезов, которых по своему расчету сделали головорезами, и сами обратились в турецких пашей. Но насильственное подавление всякой образованности, всякой самобытности, всякой честности в белых людях южных штатов было для плантаторов еще недостаточною гарантией существования. Свободные штаты имеют огромный перевес по населению, а союзная

власть дается большинством на выборах. Плантаторам нужно было привлечь на свою сторону такое меньшинство в северных штатах, чтобы голоса этого северного меньшинства в соединении с голосами южных штатов составляли большинство. Партия, порабощающая белое население в своих штатах, конечно, не могла найти честными средствами союзников себе в населении северных штатов, где каждый дорожит свободой, — надобно было употребить другие средства: коварство и подкуп. Вот источник всех злоупотреблений, о которых говорит Кэри. Огрубевшие в своих нравах, привыкшие к бесстыдным подкупам, ожесточенные опасениями за свое существование, плантаторы посылали в сенат Союза и в палату представителей таких депутатов и сенаторов, которые были достойны своих доверителей. Вот источник отвратительных сцен в северо-американском конгрессе. Прочтите протоколы заседаний, — вы увидите, что прибежали к ругательствам, хватались за палки, ножи и пистолеты всегда люди одной партии — плантаторской партии. Это естественно; и, кажется, довольно ясно каждому, в чем может состоять единственное средство к очищению конгресса от отвратительных сцен, к очищению выборов от подкупов, к очищению правительства Соединенных Штатов от низких злоупотреблений. Как вы полагаете, в чем состоит оно? в том ли, чтобы свободные люди Соединенных Штатов, убедившись в несовместности свободы с невольничеством, вырвали власть над Союзом у плантаторов, как теперь и решились они сделать? «Нет, — говорит Кэри, — нет, не то; вся беда от низкого тарифа, а спасение в протекционизме!»

Что за дичь! Надобно прибавить: и притом такая дичь, которая могла сложиться только в голове, организованной довольно слабо. Помешательству подвергаются иногда и умнейшие люди; но в самом бреде их бывает замечен след прежней логической силы. Пунктом сумасбродства бывает у них какая-нибудь живая, великая идея. Но помешаться на мысли, далеко не имеющей в себе первостепенного значения, может лишь человек довольно мелкого ума.

Если бы Кэри был человек гениальный, объяснить его монотипию можно было бы какими-нибудь личными его обстоятельствами. Но люди такого ума, как он, не бывают изобретательны: им не приходит в голову новых самобытных идей; они могут только перетолковать чужие мысли, — прочтет что-нибудь, не поймет хорошенько и пошел писать в защиту непонятого, если не имеет претензии на оригинальность, или в опровержение непонятого, если имеет такую претензию. Кэри хочет быть оригинальным, и поэтому вздумалось ему опровергать теорию ренты Рикардо, которой, по свойству подобных ему мыслителей, он и не понял хорошенько⁹. Почему вздумалось ему трудиться над теорией ренты, объяснить не трудно: теория эта занимает очень важное место в системе политической экономии; она — один из

самых коренных принципов этой науки. Не нужно никакой особенной изобретательности, чтобы увидеть важность этого предмета: она давно поясняется всеми экономистами.

Но неужели Кэри сам придумал давать такое громадное значение тарифному вопросу? Неужели он сам мог сообразить, что таможенные пошлины — краеугольный камень всей общественной жизни, что от хорошего тарифа происходят все экономические и человеческие блага, от дурного тарифа порождаются все «многообразные недуги» общества? Нет, помилуйте! куда же ему изобретать такие перестройки в науке. Выдвигать на первый план в системе воззрений идею, которой другие не придавали первостепенного значения, — ведь это значит сообщать науке новое направление — справедливое или ошибочное, но все-таки новое. А чтобы дать новое направление науке, на это требуется гениальный ум. У Кэри не оказывается не только гениальной, а даже и очень обыкновенной логической силы. Если он поставил верховным вопросом общественной жизни таможенный вопрос, то уже, конечно, не по своему изобретению, а понаслышке от других.

От кого же бы мог он об этом наслышаться? Вот тут-то и обрушивается грех великий на тех западных экономистов, по книжкам которых преподают нам мудрость наши знаменитые экономисты. Они ввели в беду своего товарища Кэри; это они завели моду убиваться больше всего о тарифе, сводить всю науку и всю национальную жизнь к таможенному вопросу. Покайтесь! — сказали бы мы западным экономистам, если бы до них мог доходить голос русской литературы, столь преуспевающей в последнее время и столь сильно занимающей собою весь просвещенный мир (ведь наши экономисты уже председательствуют на статистических съездах Западной Европы¹⁰, ведь корреспонденты французских газет с глубокомысленными замечаниями передают Европе содержание наших газетных статей о разных политических вопросах; а английские газеты так-таки прямо переводят наши русские руководящие политические статьи, и сам бранчивый «Times» не раз умилялся, хваля успехи нашей гласности). Но нет, еще не изучают сильную и звучную русскую речь западные народы, не дойдет до слуха западных экономистов наше смелое изобличение (смелое оно потому, что высказывается собственно в надежде: «не услышат его те, к кому оно относится» — смелость, принадлежащая всей русской литературе). Итак, обратим голос наш к нашим знаменитым экономистам за неимением других слушателей и воскликнем: «покайтесь! посмотрите на Кэри и покайтесь! не смешон ли он?» Чем же он смешон? Не тем, чем отличается от вас, — не тем, что хлопочет о высоком тарифе, когда вы хлопочете о низком тарифе, — нет, тем, в чем сходится с вами, чем позаимствовался у ваших учителей, — тем, что, не замечая истинных причин зла, не думая об истинных средствах

к его отстранению, сосредоточил всю свою мысль на вопросе, далеко не имеющем для государства и для науки первостепенной важности.

Поставление таможенного вопроса выше всего на свете, забвение из-за пристрастия к этому вопросу о самых очевидных и гораздо более важных фактах, о настоятельнейших потребностях общества, — вот что делает Кэри мертвым схоластиком, тупым мономаном. Кредит и заграничная торговля, биржа и банк, курс и фонды — вот заколдованный кружок, ограничившись которым ученый теряет всякую возможность понимать общественное положение, важнейшие национальные нужды, все живые факты и живые мысли.

А собственно то, что Кэри — противник слишком низкого тарифа, еще не большой грех в американском писателе, враждебном невольничеству. По правде говоря, мы сами, при всем нашем теоретическом убеждении в превосходстве свободной торговли, чуть ли не пожертвовали бы этим ученым принципом и стали бы требовать довольно высоких таможенных пошлин, если бы жили в Соединенных Штатах. Дело тут вот какого рода. Таможенные пошлины служат, можно сказать, единственным источником доходов северо-американского союзного правительства. Другие отрасли его доходов, в том числе и продажа земель, совершенно ничтожны, так что в союзном бюджете не произошло бы никакой заметной разницы, хотя бы их вовсе и не было. Что же теперь выходит? Когда издавался тариф, соответствующий принципу свободной торговли, в союзном бюджете каждый раз происходил огромный дефицит. Между тем пошлины не очень тяжелые, но не соответствовавшие принципу свободной торговли, каждый раз давали союзным финансам такое процветание, что за покрытием всех расходов оставался ежегодно большой излишек на выкуп государственных долгов. Решение ясно: принцип свободной торговли драгоценен, но хороший порядок в государственных финансах еще драгоценнее; потому, пока союзное правительство будет нуждаться для своего процветания в тарифе довольно высоком (впрочем, вовсе не обременительном), — нечего делать, нужен в Соединенных Штатах довольно высокий тариф. Когда дела переменятся, когда окажется возможность обойтись без него, — ну, тогда и прекрасно, тогда действуйте по принципам свободной торговли*.

Есть другое обстоятельство, уже совершенно чуждое финансовым соображениям, но еще более важное. Коренное зло в Соединенных Штатах — невольничество. Главною опорой партии, стремящейся к уничтожению невольничества, служат штаты Но-

* Для смягчения экономических сердец сделаем оговорку. России свободная торговля, конечно, была бы выгодней даже и в таможенном отношении. Нашему государству нет надобности в высоком тарифе.

вой Англии¹¹. Эти штаты требуют протекционных пошлин. Очень может быть, что они в этом случае заблуждаются, что протекционные пошлины на самом деле не нужны для них, но что же делать? Можно, если хотите, стараться вывести Новую Англию из ее заблуждения; но пока она держится его, надобно принимать и эту, может быть, неудовлетворительную, может быть, несколько даже вредную, черту ее программы ради того, что существенная черта программы — враждебность невольничеству — справедлива, благотворна и своею важностью для государственной жизни в миллионы раз превосходит все остальные общественные вопросы. Кто чем грешит в практике, часто восстает против того же самого в теории, вроде г. Кокорева, беспощадно изобличавшего откуп¹². Писатели, которые самую святою истиною, самыми неизбежнейшими логическими требованиями жертвуют пустейшему фактическому затруднению, преследуют правду, если она кажется неудобна, уже готовы воскликнуть с негодованием: «вы признаете гибельный и малодушный принцип, что следует иногда уступать заблуждению и ставить финансовый расчет выше научных требований». Точно так, иногда следует, — надобно только разбирать, какая общественная потребность какой теоретической жертвы требует: превышает ли пожертвование выгодой для общества, то есть в результате и для самой науки, потому что общественный успех ведет и к научному успеху. Надобно иногда становиться товарищем человека, имеющего какое-нибудь ошибочное требование, если с тем вместе он имеет другое, справедливое и несравненно важнейшее требование. Безусловной, всесторонней истины не бывает ни в каком факте, ни в какой партии, ни в какой программе. Старайтесь только выбирать, какой факт, какая программа заключают в себе наименее неправды и наиболее справедливости, — и, выбрав, уже прилепьтесь к ним всею душою; как в частной вашей жизни, если вы не бездушный человек, любите же вы горячо некоторых людей, хотя в каждом из них наверно есть не совсем нравящиеся вам стороны. Какое вам дело до этих недостатков? Вы любите не за них, а за достоинства, и ради достоинств человека, имеющего множество недостатков, вы готовы бываете делать для него все, не жалеть и самой вашей жизни. Все хорошо до известной меры, например, хотя бы и готовность жертвовать собою для любимого человека: если вы броситесь в омут для исполнения каприза любимой женщины, это будет глупо и в сущности даже очень преступно; но другое дело, если вы жертвуете собою, чтобы дать ей счастье или спасти ее жизнь. Так и в разборчивости насчет общественной справедливости и несправедливости известной программы — тоже должна быть своя мера: излишняя щепетильность тут смешна и даже бывает очень часто преступна, хотя до известной степени следует быть разборчивым. «Он не хочет свободной торговли, потому я не должен быть его партизаном, хотя

без него ничего нельзя мне сделать против невольничества», — да ведь это все равно, что сказать: «он хочет от меня грошового пожертвования, потому не сделаюсь я компаньоном его, хотя товарищество с ним обогатит нас обоих». Нет, не так рассуждает человек умный и действительно желающий пользы: пусть он рассчитывает как можно строже, но если в общем свODE окажется перевес пользы, он пойдет на все. Были люди, которые не смущались не только какими-нибудь пустяками, — которые не жалели даже своей репутации, обрекали свое имя на позор в устах всех так называемых благородных людей, когда того требовала общая польза. «Да что же это за люди такие?» — спросите вы. А вот можно рассказать вам, что я вчера видел.

Живет молодая вдова, красавица, какой другой не видывали люди. Она страстно любила своего мужа, все мысли ее — печаль о нем. Нет в обществе ни одного человека, который не преклонялся бы перед ее непорочной чистотой. Эта женщина исчезает. Где она? А вот где: среди шумной толпы беспутных пьяниц и погибших женщин она сидит подле какого-то господина, который, как видно, богаче и знатнее всех; она ласкается к нему и так успешно завлекает его в свои сети, что прежняя любовница этого господина уже брошена: она уже занимает место этой погибшей девушки. Хорошую репутацию составила себе скромная вдова! Она не может себя обманывать насчет того, как думают о ней не только честные люди, но и несчастные существа, презираемые всеми: прямо в глаза ей высказываются это в самых резких и, к несчастью, правдивых словах жалкою девушкою, карьере которой перебила она: «меня довела до унижения судьба, я опозорена без моей воли», — говорит эта девушка своей счастливой сопернице: «а ты сама, добровольно предпочла позор честной жизни; ты добровольно предалась разврату: он приятен тебе; ты презреннее меня». Вот входит старик, знавший нашу вдову, когда она являлась для всех образцом безукоризненной чистоты, он видит ее в руках пьяного, грубого богача, которому она расточает свои нежности, — этот старик, который так уважал ее и слова которого всегда принимала она с благоговением, прокликает ее. Что ж такое? Конечно, не легко переносить ей этот позор; но действительно она добровольно подверглась ему; она вперед знала, что запятнает свою честь, — и не пожалела запятнать ее...

— Какою новостью вздумали вы занять нас! Вы рассказываете драму «Юдифь», в которой весь Петербург видел игру Ристори¹³.

— Разумеется. Я хотел только заметить, что Юдифь поступила не дурно. Не очень часто встречаются обстоятельства, требующие таких же страшных жертвований от человека, желающего быть полезным обществу; но постоянно через всю гражданскую жизнь каждого человека тянутся исторические комбинации, в которых обязан гражданин отказываться от известной доли

своих стремлений для того, чтобы содействовать осуществлению других своих стремлений, более высоких и более важных для общества. Исторический путь — не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дебри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность¹⁴. Она — занятие благотворное для людей, когда вы думаете действительно о пользе людей, но занятие не совсем приятное. Правда, впрочем, что нравственную чистоту можно понимать различно: иному, может быть, кажется, что, например, Юдифь не запятнала себя.

А впрочем, мы отвлеклись от предмета. Мы хотели сказать, что в Соединенных Штатах можно, без вреда для своей гражданской и ученой репутации, быть защитником высокого тарифа, — и не только можно, но даже следует. Но чтобы иметь это право, надобно смотреть на тарифный вопрос не с теоретической стороны, а брать его в отношении к другим, более важным общественным вопросам. Расширьте сферу ваших соображений, и у вас по многим частным вопросам явятся обязанности, различные от тех, какие следовали бы из изолированного поставления тех же вопросов. Но Кэри поступает не так. Он отвергает свободную торговлю и проповедует протекционизм не по соображению обстоятельств, более важных чем экономическая выгодность свободной торговли, — он выводит свое мнение из политико-экономических оснований, которые никак не могут быть примирены с протекционизмом. Это все равно, что вопрос о войне. Бывают обстоятельства, в которых сами Адам Смит и Рикардо стали бы требовать энергического ведения войны, — например, если бы иностранная армия хотела вторгнуться в Англию; но из этого вовсе еще не следует, что война сообразна с принципами политической экономии.

Мы нимало не претендуем на Кэри за то, что он считает высокий тариф надобностью для Соединенных Штатов; мы только видим слабость его логики в том, что надобность эту выводит он не из особенных обстоятельств, не имеющих ничего общего с политико-экономическою теориею, а из самой экономической теории. Но главную занимательность письмам Кэри дает забавная мономания его ставить тарифный вопрос средоточием всей общественной жизни, главным регулятором всех ее явлений; эту мономанию навели на него экономисты, перестроившие всю науку в таком духе, что вопросы о торговле стали главным предметом ее. Пусть они посмотрят на письма Кэри к президенту и полюбуются верным, хотя и обратным отражением своих воззрений: тарифный вопрос — источник всех «многообразных недугов» Соединенных Штатов и лекарство против них — это восхитительно!

О настоящем быте мещан Саратовской губернии. Записка И. А. Гана. С.-Петербург. 1860 г.

Брошюра, эта, изданная высочайше учрежденною комиссиею для улучшения системы податей и пошлин, написана одним из членов комиссии г. Ганом и была приложена к «Экономическому указателю» за нынешний год (при первом выпуске, 1 января)¹. Мы надеемся, что ни «Экономический указатель», ни сам автор записки не найдут противным своему намерению то, что мы представим здесь длинные выписки из этой замечательной брошюры, хвалить которую было бы излишне.

Записка начинается тем, что, несмотря на сложение недоимок с помещичьих крестьян и мещан Саратовской губернии всемилодивейшими манифестами, недоимки эти снова быстро растут, — растут быстрее, чем у государственных крестьян. Между тем в Саратовской губернии «у государственных крестьян подушной подати и других окладных сборов приходится средним числом по всей губернии по 5 р. 78¹/₂ коп.; у мещан — по 3 р. 1¹/₂ к., а у помещичьих крестьян — по 1 р. 86 к. с души», то есть мещанин платит прямых налогов почти вдвое меньше государственного крестьянина, а помещичий крестьянин с лишком в полтора раза меньше мещанина и втрое меньше государственного крестьянина.

Из этих сравнений окладов и сложной податной недоимки (говорит г. Ган) получаем следующие выводы: 1) государственные крестьяне, сравнительно с помещичьими и мещанами, платят податей больше, а недоимка на них меньше; 2) помещичьи крестьяне платят податей меньше государственных и мещан, а недоимка на них больше, и 3) мещане платят податей меньше государственных крестьян, а недоимка на них больше. Следовательно, самими неспособными плательщиками государственных податей оказываются: 1) мещане * и 2) помещичьи крестьяне.

Прогрессивное наращение податных недоимок преимущественно на этих двух сословиях, несмотря на всемилодивейшие прощения оных, убеждает в том, что явление это не случайно, не следствие временных бедствий (неурожая, скотского падежа и т. п.), а существенный недостаток нашей податной системы.

Финансовая наука, продолжает г. Ган, признает два существенные условия для всякого налога: во-первых, чтобы он был равномерен или пропорционален средствам каждого платящего; во-вторых, чтобы он падал на чистый доход, а не на капитал.

Весь успех исправного платежа податей (говорит г. Ган) зависит от соразмерного их распределения со средствами плательщиков.

Законодательство наше, установив поголовную подать для всего ревизского населения известных сословий, само сознает неравномерность этого налога, и потому внутреннюю уравнительную раскладку в свободных сословиях

* Государственные крестьяне получают в надел землю, которая и дает им средства к выполнению своих обязанностей, а мещанин, безземельный и не являющийся ремеслом, вполне зависит от случайности, он не имеет постоянного источника дохода.—Замечание г. Гана.

предоставило самим обществам, а с помещичьих крестьян — помещикам; но в действительности этим путем не достигается податная уравнительность. У государственных и даже помещичьих крестьян податная уравнительность в некоторой степени достигается переложением подушной подати с неспособных плательщиков на землю или на того, кто пользуется ею; в мещанских же обществах подобная уравнительность невозможна. Неспособность мещан и помещичьих крестьян бездонно уплачивать государственные подати обуславливается не одною подушною податью — неравным налогом, но самым политическим положением этих сословий и способом сбора податей.

Помещичий крестьянин, лишенный прав гражданских, а в том числе одного из главнейших — права свободно избирать, по своему желанию и способностям, род жизни и занятий, поставлен в такие экономические условия, при которых благосостояние его зависит от воли помещика, следовательно, и уплата податей более или менее зависит от помещика или от тех условий, в которых крестьянин находится по воле своего господина. Крестьянин *de facto* и *de jure* * есть имущество — не что иное, как податной предмет — источник или основание налога, а не податное лицо. Поэтому помещик, владеющий этим имуществом — крестьянином, должен бы быть податным лицом. Но законодательство в одном случае — относительно гражданских прав — не признает крестьянина гражданскою личностью; в другом же — относительно податей — признает его личностью самостоятельную, ответственною перед правительством за исправный взнос податей. Эти противоречия в законах относительно прав помещичьего крестьянина как гражданина и податного лица отразились и в действительности — несостоятельностью его к уплате податей. Законодательство, предоставив помещику внутреннюю уравнительную раскладку в своем имении, сбор и взнос податей, не только не подвергает его никакой личной ответственности за неисправную уплату податей, но даже не контролирует его действий по сбору сих денег. Вся ответственность падает на крестьян целого селения.

Когда помещик передает часть имения другому, податная недоимка не остается ни лично на помещике, ни на части, оставшейся в его владении, а на всем имении, как бы оно ни было разделяемо. Точно так же, если крестьяне куплены с накопившеюся недоимкою, то она должна быть возмещена с них же, «в крайнем только случае с виновных, не заботившихся о возмещении оной: с начальников губерний, членов губернских правлений и всех тех, кои слабым о взыскании настоянием недоимок допустили малейшее накопление оных». По естественному закону помещик, как ближайший распорядитель в своем имении, раскладчик и сборщик податей, должен бы прежде всех лично отвечать за подати своих крестьян; но закон оставляет его в стороне и даже не удерживает на пополнение накопившейся недоимки денежных капиталов, следующих ему в выдачу из казны, а позволяет продажу помещичьего хлеба, если крестьяне состоят на пашне. А если имение оброчное или крестьяне работают на фабрике или на заводе у помещика? Законодательство не разрешает этих случаев. Вероятно, возмещение податной недоимки должно производиться с тех же крестьян. Если на мещанском обществе накопится недоимка, то пополнение ее производится между прочим из следующих городам платежей от казны. Мы не находим в законах дозволения подобного пополнения недоимки в помещичьих имениях. Помещикам чаще приходится получать деньги из казны; следовательно, немало недоимок могло бы уплатиться этим путем. Эта мера имела бы моральное действие на помещиков и была бы лучшим побудительным средством к исправной уплате податей. Помещик — винокурный заводчик, зная, что при выдаче ему денег за поставку вина будет удержана крестьянская недоимка, без сомнения, принял бы все меры к своевременному взносу крестьянских податей. Помещик, по крайней мере как сборщик податей, кажется, по примеру сборщиков в других сословиях, должен бы подлежать какой-нибудь ответственности. За накопление недоимки на по-

* Фактически и юридически. — Ред.

мещищем имени до 86 к. с души имение отдается в опеку и недоимка взывается с тех же крестьян. Но кто в этом случае более страдает от опекунского управления — помещик или крестьяне? Помещик получает несколькими сотнями рублей меньше годового дохода, а крестьянин — окончательно разоряется. Всем известно, что большею частью за опекунским управлением неизбежно следует аукционная продажа имения. В 1847 году имение тайной советницы Л-ской за долг опекунскому совету отдано было в опекунское управление с тем, чтобы все доходы с имения вносились на погашение займа. Через шесть лет опекунского управления имение г-жи Л-ской было продано с аукциона. В имении г-жи Л-ской было 483 ревизских души крестьян и господской земли (за наделом крестьян по $8\frac{1}{2}$ десятин на тягло) под пашню и сенокосом более 2000 десятин. Весь долг опекунскому совету простирался до 5 руб. сер. на душу, или 10 руб. сер. на тягло. При этих условиях невозможно бы, кажется, довести имение до продажи, однако, оно было продано. Если бы всю помещичью землю отдать в пользование крестьянам и положить оброк в 10 руб. сер. с тягла (это такой незначительный оброк, какого не существует в Саратовской губернии), то нет сомнения, что крестьяне в один год внесли бы весь долг опекунскому совету. Но опека не уплатила долга, разорила имение и довела его до аукционной продажи. Следы опекунского управления до сих пор сохранились на имении, и крестьяне вспоминают о нем, как о тяжелой поре своей жизни.

Одно из основных положений финансовой науки: налог должен падать на чистый доход, не касаясь капитала, — в противном случае истощаются производительные средства податного предмета, и совершенно истребится самое основание налога. Крестьянин с его имуществом есть податный предмет — основание налога; следовательно, подвергать его через опекунское управление и казенный присмотр разорению, значит действовать вопреки финансовым понятиям. Законодательство, желая остаться последовательным в своем взгляде на помещичьего крестьянина, как на имущество, подлежащее налогу, берет в свое распоряжение или подвергает публичной продаже для возмещения накопившейся на нем недоимки, как, например: землю, мельницу и т. п. недвижимое имущество; но при этом оно упускает из виду, что имущество это одарено волею и всеми человеческими способностями и само может выполнить свои обязанности по отношению к государству, стоит только устранить от него неблагоприятные условия. Впрочем, законодательство даже не обращает внимания на условия или причины накопления недоимки на помещищем имении; оно просто принимает самую недоимку за факт, за данное, приводит в действие свои меры к ее восполнению. Если мещанин или государственный крестьянин изобличен будет, что недоимка происходит от дурного поведения, нерадения и мотовства, то подвергается по приговору общества или исправительным наказаниям, или отдаче не в очередь в рекруты за общество. Если бы законодательство желало остаться последовательным в своих финансовых принципах, то нет сомнения, что при накоплении податной недоимки на помещищем имении, точно так же обратило бы внимание на происхождение ее и в случае, если она есть следствие дурного и беспорядочного управления помещика своим имением, то подвергало бы его также взысканиям. В случае податной недоимки на крестьянах, состоящих во временном владении, и если окажется, что она произошла от худого управления, вся недоимка сполна взыскивается с временных владельцев. Почему же закон этот не распространяется на постоянных владельцев-помещиков? Разве у них недоимка не может быть следствием худого управления? Отдача имения за неплатеж податей в опекунское управление есть сознание правительства, что владелец дурно распоряжается им, но это сознание правительство как будто не хочет высказать ясно и положительно, а потому, принимая податную недоимку за факт без исследования причин, лишь устраняет помещика от управления имением.

Помещику правительство предоставило право собирать подати и вносить их в уездное казначейство, не подвергая его действий в этом случае никакому

контролю: в том ли размере собраны подати помещиком или вотчинным начальством и все ли собранное внесено в казначейство — остается без всякой проверки со стороны правительства, и ни помещик, ни вотчинное начальство не дают ни квитанций, ни расписок крестьянам в получении от них податей: так что последние, какие бы сборы с них ни были делаемы на уплату податей, лишены возможности доказать, что подати уплачены ими своевременно и в количестве, определенном правительством. Впрочем, последнее обстоятельство (взимание помещиком податей в большем размере) законодательство полагает как бы невозможным, потому что на этот случай даже нет закона, подвергается ли помещик ответственности за противозаконный сбор денег на подати, подобно тому, как мещанские старосты и члены думы. В действительности же лишний сбор на подати и невзнос оных помещиками повторяется нередко. Если не возникает по этому случаю дел, это происходит от сознания крестьянами невозможности доказать юридически правоту своей жалобы. В 1857 году, Балашовского уезда, в селе Юсупове крестьяне отказались от платежа податей за 1857 год на том основании, что они в течение десяти лет платили излишние подати за своих односельцев, выселенных помещиком в Самарскую губернию. С этою жалобою они обращались к уездному предводителю, который потребовал от помещика объяснений, но тот, представив квитанции уездных казначейств, доказал, что крестьяне не только не платили излишних податей, — напротив, состоят еще в значительной недоимке. Помещик остался прав. Не удовлетворенные в справедливой своей жалобе, крестьяне отказались от господских работ; их признали бунтовщиками: губернское начальство распорядилось командировать чиновника для усмирения непокорных и расследования причин их неповиновения. Крестьяне объявили, что они не могут отправлять назначенных работ потому, что средства их истощены тяжелыми податями. Помещик представил квитанции уездных казначейств, из которых чиновник убедился, что на крестьянах действительно состоит значительная податная недоимка. Крестьяне уверяли, что они своевременно вносили подати в вотчинную контору и что у них три года тому назад взят был хлеб и скот на уплату податей, но не могли представить фактических доказательств. Помещик же, напротив, на каждое обвинение их представлял фактические доказательства. Например, если крестьянин говорил, что помещик взял у него корову на уплату податей, то помещик открывал конторскую книгу и показывал, что такой-то крестьянин, такого-то числа, пойман или в господском лесу с дровами, или на потраве господских лугов, за что по положению подвергнут штрафу. Крестьянин сознавался, что он действительно был пойман на порубе или потраве, за что и был наказан; но денежному штрафу не подвергался, и что когда брали у него корову, то положительно объявляли, что берут на уплату казенных податей. Чем крестьянин может доказать правоту своего дела, кроме своего голословного показания, не имеющего юридической силы? В Саратовском уезде один помещик в течение нескольких лет не вносил податей за своих крестьян, так что за податную недоимку имение назначено было в продажу. Оборотливый помещик успел переаоложить имение и тем погасил податную недоимку; но зато отобрал у крестьян всю землю (не освобождая их от трехдневной барщины) и эту же землю сдавал им повольной цене. Крестьяне уверяли, что с них ежегодно в известное время собирались подати. Но уверения, как ничем не подтвержденные, не были приняты в уважение, и земская полиция заставила их исполнять беспрекословно барщинную повинность. Юридически полиция поступила справедливо; но справедливы ли ее распоряжения, судя по-человечески и выгодны ли подобные распоряжения для правительства в финансовом отношении? Эти вопросы не требуют разъяснений. Одно можно сказать, что подобные меры вконец истощают основания налога, и рано или поздно производительные средства народа иссякнут, а с ними уничтожится и самый источник податей.

Очевидно, чтобы поставить помещичьих крестьян на степень исправных плательщиков податей — необходима реформа как в экономическом, так и в политическом их положении. До тех же пор сама справедливость требует раскладку, сбор и взнос податей предоставить миру без всякого участия поме-

щика или подвергнуть его самому строгому контролю и ответственности как личной, так и имущественной за накопление податной недоимки на принадлежащих ему крестьянах.

Указание причин, от которых происходит быстрое накопление недоимки у помещичьих крестьян, служит г. Гану средством к разъяснению причин, которыми порождается она у мещан.

По неспособности платить государственные подати мы отнесли мещан к одной категории с крепостными людьми (говорит он). Такое сближение свободного сословия с крепостным с первого взгляда может показаться странным и не имеющим основания. Не утверждаем, чтоб мещанское сословие носило в себе все элементы крепостного состояния; но между тем и другим, начиная с происхождения, есть нечто общее: «крепостное состояние лица устанавливается пожалованием от верховной самодержавной власти в частную власть и обладание» (ст. 997, п. 1, т. IX Св. Зак. о состояниях, изд. 1857 года); следовательно, не свободная воля лица избирает себе политическое состояние, а оно определяется верховною властью. Большая часть наших городов возникла не из внутренней потребности граждан, не вследствие политических или экономических потребностей, а вследствие высочайших повелений, вначале по видам стратегическим, а потом чисто административным. Уложением Алексея Михайловича даже ограничена была свобода перехода горожан из одних мест в другие, и таким образом они укреплены были к месту своего водворения. Указаниями Петра I и Екатерины II крепостная зависимость горожан от мест водворения уничтожена, но верховная власть оставила за собою право обращать людей в горожан, к какому бы они податному сословию ни принадлежали. Следовательно, и здесь, как в крепостном сословии, определение политического состояния лица исходит от верховной самодержавной власти, а не от свободной воли лица. Таково происхождение большей части наших городов, которых в одно царствование Екатерины II открыто до 216. В новейшее время города «учреждались» и «упразднялись» правительством по его видам. Так, в Саратовской губернии город Аткарск, преобразованный в 1780 году в город из дворцового с Аткары, в 1799 году был упразднен, а в 1804 году снова «учрежден» городом. Балашов, преобразованный в том же 1780 году из дворцового села Балашова, в 1798 году был «упразднен», а в 1804 году снова объявлен городом. В 1836 году в видах административных правительство объявило селение Чертанлы городом Новым Узнем, селение Мечетное — Николаевском, а слободу Царевку — Царевом. Какого промышленного развития достигли эти города со времени их учреждения, лучше всего видно из следующих цифр, показывающих состояние их в две различные эпохи.

Сравнивая цифру по городу Балашову за 1855 год с цифрами 1847 года, г. Ган показывает, что в течение этих восьми лет число купцов не увеличилось, а число мещан и цеховых уменьшилось почти на целую четверть: в 1847 году было в Балашове 2926, а в 1855 уже только 2228 человек мещан и цеховых. Число каменных домов также уменьшилось с 14 на 11.

В Аткарске чрезвычайно увеличилось число купцов 3-й гильдии, но увеличилось, очевидно, только от приписки в 3-ю гильдию мещан, желавших избежать рекрутской повинности: общее число купцов и мещан уменьшилось на 6-ю часть (в 1847 г. считалось 3818, а в 1855 г. только 3273 человека купцов, мещан и цеховых). Городские доходы уменьшились на целую треть (в 1847 г. было 5216 руб., а в 1855 г. — 3651 рубль).

В «Николаевске число купцов, мещан и цеховых осталось без видимой перемены»; осталось без перемены и количество каменных домов: как в 1847 году находился 1 таковой дом, так сохранился он и в 1855 году единственным каменным домом в городе, имевшем более 5500 жителей. Городские доходы возросли в 8 лет с 6218 руб. до 6392 рублей.

В г. Новом-Узене число купцов, мещан и цеховых не увеличилось; под рубриками «учебных заведений духовных и светских и учащихся» мы читаем в отчете 1847 года: «нет», а в отчете 1855 года: «в том же состоянии».

По г. Цареву о благотворительных заведениях, об учебных заведениях духовных и светских и об учащихся в отчете за 1847 год говорится точно так же, как по г. Новому-Узеню; но в отчете за 1855 год говорится не так, как по Новому-Узеню, а употреблено выражение «без перемены». Г. Царев особенно богат «нетами»: о каменных домах он отвечает «нет», о фабриках и заводах — «нет», даже о трактирах — и то «нет», и за 1847 и за 1855 год с утешительным постоянством. Он любит также отвечать: «без перемены» — мы уже слышали три таких ответа, а вот еще два: число купцов в 1855 году осталось «без перемены», число мещан и цеховых тоже «без перемены». Но о числе жителей, при всей любви к слову «без перемены», Царев не мог этого сказать; в 1855 году число их уменьшилось на 204 человека сравнительно с 1847 годом.

Таких бедных результатов промышленная и торговая жизнь наших городов достигла в многолетнее свое существование! Но официальные сведения не вполне знакомят с действительною их бедностью. Соломенные кровли, плетневые заборы, грязные улицы — вот внешность их. Приезжий с величайшим трудом находит ночлег. В Новоузенске до сих пор нет ни постоянных дворов, ни гостиниц для приезжающих, ни белого хлеба в продаже, ни мяса летом или во время постов.

Назад тому лет десять, чиновник, командированный по делам службы из Саратова в Новоузенск, должен был выписывать туда за 200 верст, из Саратова, через почту белый хлеб и мясо, даже зимою*. Признаки торговой жизни несколько заметны в базарные дни и ярмарки. На базарах обыкновенно жители запасаются провизиею и всем нужным в обыденной жизни на целую неделю или до нового базара. На ярмарках делается годовой запас чая, сахара, кофе и других колониальных и мануфактурных товаров до новой ярмарки. В официальных статистиках обыкновенно показывается под громкою рубрикой «фабрики и заводы»: столько-то. Под этими названиями следует разуметь, по большей части, самые скромные заведения, где работает отец с сыном или с двумя-тремя наемными работниками. Так, ни в одном из названных нами городов нет фабрик, а существуют только кирпичные заводы в самом ограниченном размере для удовлетворения лишь местных

* Наме, говорят, в зимнее время можно в Новоузенске всегда найти мясо, а в летнее кроме кусицы, за которую можно заплатить втридорога, ничего нельзя найти. Как же продолжается местное чиновничество? — Это делается обыкновенно так: мясник приходит к судье или исправнику и объявляет, что у него есть скотина, которую готов зарезать, если обещаются всю разобрать. Составляется чиновничий совет, на котором решают, кому сколько взять. Если по расчету мясника разбирается вся туша, то он убивает скотину. Через несколько дней продолжается та же процедура. А если чиновники в размоловке, то питаются рыбой и курами. — *Примеч. г. Гана.*

нужд — постройки печей, кожевенные заводы, собственно овчинные, обрабатывающие овечьи шкуры для полушубков местным жителям, и — более или менее в значительных размерах — салотопенные, которые занимаются производством по два и по три месяца в году. Подобные заводы существуют во многих промышленных селах, где они так же, как в городах, не составляют специальности жителей, а служат второстепенным занятием некоторых крестьян в свободное от полевых работ время.

Но обратимся к положительному законодательству, которое определением прав и обязанностей городского сословия лучше объяснит нам положение, в котором оно находится.

Право вступления в городское сословие и выхода из оногo предоставлено всем свободным сословиям, исключая потомственного дворянства. Как при вступлении в городское сословие, так и при выходе требуется согласие городского общества, но могут и без согласия городского общества приписываться в мещане: 1) уволенные церковники; 2) дети приказно-служителей, не имеющих обер-офицерских чинов; 3) приобретенные в казну однодворческие крестьяне, не желающие переселяться в многоземельные губернии; 4) все отпущенные на волю люди как мужского, так и женского пола; 5) разного звания свободные люди, к городам не принадлежащие, и 6) ссыльные, которым, на основании указа 22 июля 1837 года, дозволено возвратиться из Сибири во внутренние губернии империи. Хотя всем этим лицам предоставлено право избирать себе род жизни или вступать по своему усмотрению во все свободные сословия, но это право — мнимое: оно существует для большей части этих людей только в законе, а не в действительности. Для вступления в купеческое сословие нужно иметь известный капитал. Чтобы приписаться в государственные крестьяне, необходимо испросить согласие того общества, в которое лицо желало бы вступить, а так как общество, изъявляя согласие на прием в среду своего нового члена, обязывается ответственностью в платеже за него податей и повинностей и, кроме того, должно объяснить, что для наделения нового члена находится у него нужное количество земли, то получить от общества приемный приговор не так легко. Правда, палата государственных имуществ приписывает и без согласия общества к тем селениям государственных крестьян, где приходится земли более 8 десятин на душу; но таких многоземельных обществ гораздо менее, чем малоземельных. Вследствие этого всякому обязанному избрать себе род жизни остается единственно доступным городское мещанское сословие, к которому волею или неволею, а должно причислиться, чтобы не быть приписным и за это подвергнуться взысканию. В 1857 году из 175 отпущенных приписалось в государственные крестьяне 54, в 1858 году из 1537—274, в 1859 году, по октябрь месяц, из 2060—256. Следовательно, из 3772 отпущенников, избравших себе род жизни, поступило в государственные крестьяне 15,4%, а в мещане — 84,6%. Хотя по закону и предоставлен свободный выход из мещанского сословия во все другие, кроме крепостного, но в действительности мещанин может свободно перечислиться только в купечество, если имеет достаточный капитал, потому что вступление в государственные крестьяне для него, кроме общих затруднений, о которых было сказано выше, стеснено следующими запретительными условиями: «мещанам, которые не только сами, но и отцы их никогда в земледелии не упражнялись или вступили в какую-либо промышленность, городским жителям свойственную, и могут содержать себя по своему состоянию, переход в крестьянство запрещается» (ст. 619, п. 1, т. IX). Правительству, обращая сельских обывателей в городские, не принимало во внимание способны ли они к торговле, ремеслам и вообще к промыслам, свойственным городам, и имеют ли к этому материальные средства; от городских же обывателей при переходе их в сельские требует знаний или, по крайней мере, практического навыка в земледелии. Для городских промыслов, конечно, требуется вообще больше развития и промышленности, чем для сельских, и тот, кто раз выучился известному ремеслу, не пойдет

в земледельцы, потому что земледельческие работы гораздо труднее ремесленных. О занимающихся торговлею и говорить нечего. Следовательно, опасения правительства относительно перехода ремесленников и торговцев в земледельцы напрасны. Если уже допускать опеку правительства при избрании рода жизни, то скорее эта мера может быть допущена при записке в городские обыватели, потому что в городах — говорит Екатерина II в Наказе, данным комиссии о сочинении нового уложения², — «обитают мещане, которые упражняются в ремеслах, торговле, художествах и науках». Следовательно, если таков взгляд правительства на значение городов, то каким образом ставить в обязательное положение приписываться к городам людей, не имеющих ни малейшего понятия ни о ремеслах, ни о торговле, ни о промышленности, как, например, церковника, уволенного из духовного звания за неспособностью или по подозрению в преступлении (ст. 463 п. 1 и ст. 278, т. IX). «В городах, — говорит Екатерина II, — в которых многие обращения торг имеет, весьма смотреть должно, чтобы чрез честность и добронравие граждан сохранилась кредит во всех частях коммерции, потому что честность и кредит суть души коммерции». Какой же может держаться кредит, если правительство вербует в городское сословие людей, возвращенных из Сибири, оставленных в подозрении по преступлениям и проступкам, и т. п.? Мы далеки от той мысли, чтобы ставить строгие ограничения при вступлении в городское сословие; напротив, желаем, чтобы была предоставлена полная свобода вступления во все сословия; равным образом и переход из одного сословия в другое не должен подлежать никаким ограничениям. По ныне действующим законоположениям городское общество, говоря собственно о мещанах, носит на себе характер крепостной как по происхождению своему и — вступлению лиц в это сословие, так и по переходу из него в другие.

В Западной Европе (продолжает г. Ган) город является историческим результатом прожитой народом жизни, а у нас — административным учреждением власти. От этого характер и направление деятельности горожан, несмотря на данное им от правительства городское уложение, остается тот же самый, который имели они до объявления места их жительства городом. Так как большая часть наших городов до преобразования их правительством в эти учреждения были земледельческими поселениями, то занятие большей части жителей и до сих пор составляет хлебопашество. Назад тому лет 50 из мещан города Саратова жили хуторами на городской земле 1570 душ, они постоянно занимались хлебопашеством; но по воле правительства их переселили в город. Некоторые из них успели захватить места по речке Березиной и Кожуриной, развели сады и до настоящего времени остаются земледельцами. Многие из мещан имеют свои дома и все земледельческое обзаведение на городской земле, снимая ее у контрагента думы и комиссии о раздаче в оброк городских земель. В минувшем 1859 году, по официальным сведениям саратовской городской думы, показано под посевами мещан до 15 т. десятин, что дает более одной десятины на душу. В г. Вольске промышленность городских обывателей — сказано в отчете думы за 1859 год — заключается главнейшее в хлебопашестве и скотоводстве. Купцами и мещанами распахивается ежегодно средним числом до 5 т. десятин земли, что дает средним числом более $\frac{1}{2}$ десятины на душу. До 800 душ вольских мещан живут особыми хуторами на городских землях и занимаются исключительно хлебопашеством со взносом в доход города за землю по 5 коп. с десятины. В других городах Саратовской губернии, поставленных географическим положением в менее благоприятные условия для промышленности, хлебопашество производится еще в больших размерах. Так, в г. Петровске в 1859 году мещанами распахано было 6320 десятин, что дает на каждую душу средним числом 2—6 десятин. Эти немногие данные убеждают в той мысли, что правительственными учреждениями нельзя изменить направление народной деятельности; скорее правительство вместо сочувствия встретит открытое сопротивление своим нововведениям, если они не ответ-

ствуют внутренней потребности народа. Так это и было при преобразовании в 1836 году слободы Царевки (ныне Астраханской губернии) в город Царев. Жители Царевки, сознавая, что с открытием города они должны будут обратиться в безземельных мещан и волею или неволею сделаться торговцами или ремесленниками, в чем они до того времени не имели никакой нужды, открыто стали сопротивляться учреждению. Начальство не сочло нужным входить в ближайшее рассмотрение причин народного несочувствия к благим мерам правительства и объявило Царевку городом. Недовольные жители решились на странную меру: не продавать чиновникам съестных припасов и, таким образом, голодом выжить непрошенных гостей. Но их признали бунтовщиками и посредством военной команды заставили повиноваться.

Правительство, обращая земельные поселения в города и вместе с тем отбирая у жителей земли — единственный источник их существования, ничего не предоставило им взамен земли. Не должно упускать из виду, что мелкая промышленность, и именно ремесла, сосредоточиваются у нас более в деревнях, нежели в городах: она производится сообща в селах, которые вывозят свои произведения на ярмарки. У нас нередко деревенские сапожники, столяры и слесари снабжают своими произведениями города. Следовательно, к чему могут служить мещанину данные ему правительством права на свободную торговлю крестьянскими изделиями, когда крестьяне сами снабжают ими горожанина, а не он их?

Все эти длинные соображения мы вели к тому, чтобы доказать, что положение наших горожан, созданных по воле правительства, ненормальное, что экономические условия, в какие они поставлены верховною властью, не обеспечивают их жизни, и что при этих условиях они никогда не будут исправными исполнителями своих обязанностей в отношении к государству; на них всегда будет оставаться неоплатная податная недоимка, от которой они будут избавляться только всемилоштивейшими манифестами.

Кроме этих экономических условий, недоимка растет и от самого способа взимания податей, от круговой поруки, при которой в городах «кто исправнее платит, на того и накладывают больше», потому что городские думы или ратуши и податные старосты и их помощники, отвечая за недоимку с общества своим имуществом и подвергаясь за нее «строгому исправительному взысканию», должны думать не о равномерном распределении податей, а только о бездоимочном взносе их.

Из множества случаев неуравнительного распределения податей (говорит г. Ган) приведем один, рассказанный нам человеком, заслуживающим полного доверия. В бытность его городским головою в Саратове (рассказывающий служил три выбора городским головою) является в присутствие старик-мещанин с убедительною просьбою освободить его от платежа податей за накладную душу, погому что он в течение нескольких лет платит за нее. Так как мещанин был человек состоятельный, то голова стал убеждать его покориться неизбежной доле. «Но по крайней мере, — отвечал мещанин, — хотя бы показали мне этого несчастного, за которого я столько лет плачу подати». Голова, чтобы успокоить просителя, позвал мещанского старосту и велел отыскать накладную душу, за которую платил проситель. Привели молодца лет 30, здорового, в красной рубашке, плисовых шароварак и суконной чуйке. — Ты не платишь податей? — спросил его голова. — «Не плачу». — Почему? — «За меня платят другие...»

По невозможности перелгать подать с лиц, особенно неспособных, на предметы, как у сельских обывателей на землю, податная недоимка у мещан часто делается наследственной и растет вместе с возрастом будущего гражданина, так что когда он достигает лет 18, на нем лежит уже неоплат-

ная недоимка, которая давит его и поглощает весь его заработок. Счастье, если по стечению каких-нибудь благоприятных обстоятельств он успеет расплатиться с недоимкою, а то — бедность, а с ней и порок окончательно задавят его, и кончится тем, что общество, как неисправного плательщика, отдаст его в рекруты за мир. Для примера, как образуется на мещанах податная недоимка, приведем несколько семейств из окладных книг мещан г. Саратова. Семейства эти, скажем наперед, взяты нами не на выбор, а почти кряду. По окладной книге 1855 года под № 1767 значится: Иван Николаев Кокуев 39 лет, текущих податей 3 р. 11 к., недоимки за 1849 год 1 р. 45 к. С 1850 по 1855 год платежей не было, исключая 1853 и 1854 годы, когда текущие платежи сложены были на других, то податная недоимка возросла до 24 р. 92 к. сер. Как возросла недоимка на Кокуеве? До 1850 года семейство Кокуевых состояло из двух душ — сына и отца, который в наследство сыну оставил после себя недоимку в 3 р., да на самом Иване Кокуеве состояло в 1849 году 1 р. 45 к., итого недоимки к 1851 году 4 р. 45 к., да текущих платежей за две души 6 р. 23 к., всего в 1851 году должно было заплатить 10 р. 68 к. В этот год Кокуев взят был по одному делу под стражу в тюремный замок, где и содержался три года, в течение которых подати возросли до сказанной нами цифры. По освобождении из тюремного замка Кокуев сдан в ратники, как неисправный плательщик податей. Счастье, что у Кокуева не осталось детей, а то вся его недоимка досталась бы им на долю, и, может быть, их постигла бы участь отца.

Автор записки приводит еще несколько примеров подобного рода; из них приведем один последний. Семейство мещан Березкиных числится по окладу 1859 года состоящим из 7 ревизских душ, не имея ни одного совершеннолетнего работника, и на трех мальчиков, остававшихся тогда в семействе Березкиных, падало тогда платежей 21 рубль 80¹/₂ к. в год. Этим мальчикам, очевидно, суждено, как только подрастут, всем итти в солдаты за накопление на них недоимки.

Вот заключение г. Гана:

Напрасно думают некоторые, что недоимка на мещанах накапливается от недостатка строгих мер в отношении к неисправным плательщикам. Зло — в экономических условиях мещан, в податной системе и в несоразмерности налога. Величина налога везде одинакова, мера взысканий тоже, а между тем какое разнообразие в податной недоимке!

Для исправной уплаты мещанами податей, по нашему мнению, необходимо: 1) изменить их экономические условия, то есть обратить тех, кто пожелает, в первобытное состояние, в земледельцев, для чего наделить их землею, где представится к тому возможность, из городских дач, в противном случае — из казенных земель.

2) Подушную подать переложить с душ на землю и обложить податью только работников от 16 до 60 лет включительно.

3) Мещан, занимающихся торговлею, промыслами и личными услугами, разделить на категории на основании приблизительной оценки доходов каждой категории.

4) Вносить в податной оклад только работников от 16 до 60-летнего возраста и

5) исправный взнос податей оставить на личной ответственности каждого плательщика, а не всего общества.